

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ЛИСАВЕТА
ЧЕЛИЩЕВА

Хищник ПО СОСЕДСТВУ

Лисавета Челищева

Хищник по соседству

<https://litres.ru/74517634>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда Ане в наследство от бабушки достаётся старинный дом, девушка не знала, что вместе с домом ей достаётся и второй жилец. Его называют Хищник. Замкнутый, враждебный парень, усыновлённый бабушкой Ани в детстве. Их совместное проживание — как хождение по лезвию ножа. Он не терпит чужих на своей территории. Она не готова уступать. И если дом запереть.. То Аня останется в клетке с хищником.

В книге есть: вынужденное сожительство, тёмная романтика, сталкер-одержимый герой, откровенные сцены 18+, хэппи-энд.

Содержание

1	4
2	13
3	25
4	31
5	41
6	49
7	57
8	71
9	75
10	85
11	89
12	101
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Лисавета Челищева

Хищник по соседству

1

Я сижу на крыше своей панельки. На голове наушники, но музыки в них нет. Привычка за несколько месяцев — заглушать боль музыкой. Но боли больше нет. Только затишье. Розовый закат над городом превращает пейзаж в прекрасную картинку. Можно прямо сейчас сфотографировать и на магнитик. «С любовью из Питера» — и кому-нибудь отправить. Только... у меня никого нет. Остался только папа.

Мама была моей лучшей подругой и мамой по совместительству. Психологи говорят, так нельзя: рассказывать всё маме и дружить с ней, как с подружкой. Я считаю, эти психологи просто никогда не имели такой мамы, как у меня, поэтому и мнение у них такое.

Но мамы больше нет. Уже три месяца.

Есть цитата, которую я всегда вспоминаю, когда страдала после её ухода: «Тот, у кого есть зачем жить, может вынести почти любое как».

Я долго думала об этом. Когда у меня не было «зачем» жить, даже самые маленькие усилия — встать с кровати, убрать комнату, принять душ — становились изнурительными. Обычно это не болезненные «как», но без «зачем» всё слишком сложно. Я не знала, зачем этим всем этим заниматься без мамы.

Есть ли одно всемогущее «зачем» для жизни? Я так не думаю. На пути есть маленькие «зачем», и они разные для каждого. Это так. И есть одна неоспоримая истина: мы все когда-нибудь умрём.

Думаю, крайне неэффективно торопить события и умирать раньше времени. Я решила, что гораздо интереснее продолжать жить, пока моё тело не состарится. Потому что, возможно, у меня сейчас и нет этого главного «зачем», но я знаю, что где-то меня ждут все мои лучшие «зачем» — в ближайшее или не ближайшее время: дни, недели или месяцы. Мне, вероятно, придётся их поискать. Возможно, мне будет очень грустно. Но будет и радостно. Возможно, эти «зачем» у меня уже есть, но я их пока не вижу.

В любом случае, зачем уходить так рано? Да, я знаю, как больно, когда у тебя сейчас нет «зачем». Но раннее завершение жизни помешает мне встретить свои собственные пре-

красные будущие «зачем». И они когда-нибудь сделают все мои «как» намного проще и приятнее.

У меня ещё будет смысл. Я хочу увидеть свет в этой тьме. И я увижу. Потому что если не сдаваться, то тьма рассеивается.

Я снимаю наушники и вижу, как внизу папа выходит из подъезда и выносит наши сумки к машине. Как мимо него бегут какие-то дети с мечом, пенсионеры с сумками продуктов, голуби клюют хлебные крошки.

Жизнь продолжается.

Мне звонит папа. Я улыбаюсь, беру трубку. Ох, если бы он видел, что я наблюдаю сейчас за ним, как ангел с небес, он бы был не в восторге.

— Да, пап?

— Ань, ты где? Пора уже выдвигаться. И так дед ворчать будет, что так поздно приедем.

— Пап, а купальник братъ?

— В нашей маркизовой луже собралась купаться?

— Маркизова лужа? Это что такое? — хмыкаю я, подходя к двери с крыши.

— Финский залив так местные называют.

— А-а. Так братъ или нет?

— Бери. Вода ещё не холодная.

Я вешаю трубку, улыбаясь.

~ *Несколько часов спустя* ~

— Что это за кличка такая — Хищник?

Мрачное выражение лица моего отца почти не меняется, пока мы едем по извилистым лесным дорогам. Я не обращаю внимания на проплывающий за окном пейзаж. В другое время я бы, возможно, любовалась им. Год назад я бы точно снимала видео. Через год мне, возможно, снова станет интересно снимать всё подряд. Но сегодня? У меня нет сил ценить красивую природу. Ничто не имеет значения сейчас. Моя мама умерла и забрала с собой часть моего сердца. Я почти уверена, что она забрала всё сердце папы. Не знаю, хватит ли той малой части, что осталась у меня. Я поделюсь с ним, если будет надо.

— Фамилия у него какая-то созвучная... — тихо бормочет отец. — Ну и хрен с ним. Не помню уже, что про него там мой папа говорил. Но кажется, он из Сестрорецка.

— И дедушка усыновил его?

— Да, уже лет десять назад.

Я хмурюсь и пытаюсь представить, что мой холодный, суровый и эмоционально недоступный дедушка мог кого-то усыновить. Он всегда казался мне мужчиной, который одним

взглядом способен напугать до икоты и довести до слёз любого ребенка. Хотя, если честно, я видела его всего пару раз в жизни. Я почти его не знаю.

Я смотрю в окно, размышляя, когда у человека заканчиваются слёзы. Новые слёзы застилают глаза, и это меня удивляет. Кажется, я плакала весь последний месяц, но мои глаза и не думают иссыхать. Люди твердят, что никто не должен терять маму в таком возрасте. Мне всего двадцать пять. А я думаю, что горе — оно всегда горе, независимо от возраста. Больно одинаково, будь тебе семь или семьдесят. Это мама. Самый важный человек в жизни каждого.

— Ань, мы приехали.

Машина останавливается на мощёной подъездной дорожке. Я подаюсь вперёд, чтобы разглядеть двухэтажный дом, который не видела много лет. Мансардные окна. Дикий виноград на стенах. Серый камень, много дерева. Дом красиво смотрится на фоне серого неба. В верхнем левом окне мелькает тень. По спине пробегает холодок, и я вздрагиваю, когда папа открывает дверцу.

Дедушка выходит на крыльцо и скрещивает руки на груди. Лицо у него напряжённое, словно он только что откусил лимон. Седые волосы зачесаны назад, лицо старше, чем я помню.

ню. Мне неловко, когда его взгляд скользит по мне сверху вниз. Сначала я, потом отец.

— Ты сказал, что приедете утром.

— Мы попали в пробку, — устало сообщает папа. — Может, вышлешь Илью помочь нам с сумками?

— Он предпочитает, чтобы его называли Хищник. Так, чтобы вы знали. На своё имя он не откликается.

Я приподнимаю брови, впервые за долгое время испытывая что-то, кроме печали. Вот чудак. Я никогда не встречала человека с таким странным предпочтением.

— Ну так этот твой Хищник поможет нам? Или нет? — говорит папа, и в его голосе я слышу нарастающее раздражение.

Дедушка кивает и просовывает голову в дверь. Я слышу, как он зовёт кого-то, пока я достаю свой чемодан и ставлю его на землю. Поднимаю взгляд и вижу дедушку уже рядом со мной. Чуть не отшатываюсь от него назад. Как он так бесшумно подкрался ко мне? Какие-то вампирские штучки. Не иначе.

Он распахивает руки, и я понимаю, что он хочет меня обнять. Неловко обхватываю его руками и кладу подбородок на плечо. Его руки напряжены вокруг меня, он неуклюже хлопывает меня по спине, будто никогда в жизни никого не обнимал и совсем отвык от этого.

— Как хорошо, что ты приехала, Анна, — бормочет он.

Правда?

— И я рада наконец-то увидеть тебя, дедуль.

ХИЩНИК

Я смотрю на Бориса, моего птицееда-голиафа, который неторопливо ползёт по моей руке. Он такой любопытный. Тычется головой в рукав моей футболки, и я аккуратно кладу его обратно в террариум.

Шум двигателя стихает прямо перед домом, и я понимаю, что она прибыла. Моя почти-семья. Сестра, что ли? Я хрен знает, кто мы друг другу, и знать не хочу.

Дедушка усыновил меня, когда мне было десять лет. В девять он застал меня за попыткой вскрыть его сарай, после того как я сбежал из детдома, но вместо того, чтобы выстрелить в меня из охотничьего ружья и вызвать полицию, старик затащил меня к себе и поставил себе целью узнать обо мне всё. Он сказал, что я выгляжу потеряннным щенком и нуждаюсь в ком-то. Он решил, что этот «кто-то» — именно он. В конце концов, он же бывший психолог в тюрьме.

Мы прошли через все адские формальности моего усыновления — это заняло месяцы — и в итоге я поселился в том самом доме, куда когда-то влез без спроса за едой. Прошло уже девять лет, и я ни разу не встречал никого из его родственников. Он говорил, что у него есть сын и внучка, но они не близки.

Дедушка иногда писал этой самой внучке и рассказывал ей о том, что усыновил меня.

Мать этой девочки умерла в прошлом месяце. Дедушка не поехал на похороны. Я спросил почему, и он сказал, что не ладил с невесткой. Даже не назвал её по имени — сказал «женщина, на которой женился мой сын». Насколько я понял, покойная была не простого характера, а дедушка — ещё жестче. Между ними — целая пропасть обид, бытовая ксенофобия, старая вражда, хотя к другим людям он никогда не проявлял предрассудков при мне.

Дедушка пригласил своего сына и внучку погостить недельку у нас, так что я впервые встречу эту знаменитую Анечку.

Я проверяю своего паука в террариуме. Слышу, как дедушка кричит, чтобы я спускался. Ругаясь под нос, я убираю паука, засовываю руки в карманы джинсов и топаю вниз. Я люблю тишину и покой, и мне не нужно, чтобы эти гости нарушали идиллию, которая у нас тут с дедушкой в этой глуши.

— Веди себя прилично, — сказал он мне сегодня утром, когда я спустился к кофе.

Я знаю, что он имеет в виду под «прилично». Никакой драки — вот что это значит. У меня привычка ввязываться в разборки. Я не виноват, что вокруг одни идиоты, которым хочется врезать.

Не знаю, почему я такой. Я пытался разобраться, читал в интернете. В школе мне диагностировали СДВГ и аутистический спектр. Не думаю, что эти ярлыки мне подходят, но таблетки от СДВГ помогают сосредоточиться — иногда даже слишком, я залипаю на чём-то так, что забываю поесть.

У меня есть некоторые черты диссоциального расстройства личности, но не все. Некоторые описания вообще не про меня. Я не жесток с животными — только с человеческими идиотами. Ещё один из главных признаков — отсутствие раскаяния. Но не всегда: иногда мне бывает стыдно после срыва. У меня нет полной бессердечности, как у психопатов. Я не знаю, кто я по диагнозу, но я знаю, кто я на самом деле. Я тот, кого никто не хотел, даже дедушка сомневался во мне — порой я видел тревогу в его глазах. Всю жизнь меня бросали, и тут лишь дело времени, когда дедушка тоже махнёт на меня рукой. Ненавижу, когда меня трогают. Ненавижу, когда заставляют делать то, что я не хочу. Ненавижу идиотов.

Небо такое же серое, как и моё настроение, когда я выхожу на крыльцо.

Потрёпанный «Рено Логан» — не та машина, которую я куплю себе через пару месяцев. Мне девятнадцать, я давно сдал на права, я готов к своей собственной тачке. Пока я вожду эту развалюху, которую мы делим с бабушкой, но коплю на нормальную. Присматриваю себе чёрный BMW, который у местного автомеханика стоит — он готов скинуть цену, если я буду подрабатывать у него по выходным.

— Это мой сын, Коля, — сообщает мне дед, кивая куда-то вперёд.

До меня доходит, что бабушка представляет мне свою семью. Я им не семья. У нас нет общих кровей, и я уверен, что его настоящие родственники не в восторге от моего присутствия здесь. Я бы и сам на их месте не обрадовался.

Мой взгляд скользит по Коле. Он выглядит как типичный отец — мятые брюки, помятая рубашка. Он выглядит смертельно уставшим. Он потерял жену, я его не виню.

— А это моя внучка, Анна.

Я знаю, что дедушка предпочитает называть её полным именем. Он не любит уменьшительные, он мне говорил. Так что он называет её Анной.

Медленно я перевожу взгляд с чёрного чемодана на его хозяйку. Девчонка выглядит старше меня, но дедушка говорил, что ей двадцать пять. Значит, на шесть лет старше меня. На ней потёртые кроссовки и чёрные лосины. Я поднимаю глаза выше, замечая белую футболку с принтом какого-то фильма ужасов и наконец — её лицо. Она миниатюрная и до одури красивая.

Бля.

Я не ожидал увидеть такое лицо. Такой рот. Такие глаза. Она чертовски красивая. У неё сердцевидное лицо, изящные губы. Мне хочется провести языком по выемке на её верхней губе.

Её глаза — цвета сегодняшнего неба, точно такие же серые. Огромные и выразительные, они смотрят на меня с какой-то странной прямоотой. На ней нет косметики, и я этому рад — если бы глаза были подведены, я бы вообще не смог оторваться. Густая копна тёмных волос собрана в хвост, открывая уши, унизанные рядами пирсингов. У меня и самого несколько, и я одобряю её выбор.

— Это Илья Хижняк, Хищник. Мой приёмный сын.

Я морщусь от слова «сын». Его настоящему сыну — сорок восемь лет. Странно называть меня сыном, когда между нами такая возрастная яма.

Девушка выдавливает короткую улыбку, которая выглядит натянутой.

— Привет.

Я киваю в ответ и опускаю капюшон толстовки. Дедушка вечно говорит мне снимать его в доме, и почему-то сейчас

мне хочется, чтобы эта девушка видела меня. Всего.

Я молча хватаю её чемодан и спортивную сумку и затаскиваю их внутрь. Я не знаю, что чувствую по поводу их приезда, но раздражения во мне уже не так много, как пять минут назад.

Я ухожу к себе, пока дедушка показывает им гостевую, куда я закинул их вещи. Мой паук снова на моей руке, я лежу на спине на кровати и слушаю музыку.

Желудок урчит, и я понимаю, что снова пропустил обед. Надо перестать так делать, особенно если хочу набрать мышцы. Я хожу в зал, и без нормальной еды прогресса не будет.

Я медленно спускаюсь вниз, стараясь ступать бесшумно. Не хочу втягиваться в разговоры. Это мой дом, и я привык к одиночеству. Дедушка такой же — мы оба одиночки. Ходим по дому в разное время, чтобы не беспокоить друг друга. Это наше совместное одиночество.

Голоса доносятся из кухни. Я замираю в коридоре, подслушиваю, потому что я любопытный хрен.

— А что насчёт твоего дня рождения, Анна? Уже ведь на следующей неделе сможем отметить твоё двадцатипятилетие.

— Да, будет здорово. Можно сделать шашлык и позвать кого-нибудь ещё. Что думаешь, пап? — Её голос мягкий и нежный, даже сквозь печаль.

— Это твой день рождения, Ань, всё для тебя. Можно позвать твоих школьных друзей. Сколько ты их не видела? Десять лет?

— Да... Блин, пап, зачем ты мне так грубо о возрасте напоминаешь?

Я едва сдерживаю усмешку. Конечно, у неё здесь и друзья имеются. Дедушка говорил, она здесь в школу ходила, до того как они уехали в город с концами. Наверняка она была

как те девчонки из школы — высокомерные курицы, которые пялились и шушукались у меня за спиной, но сами были не прочь замутить со мной.

Что бы я сделал, если бы оказался с ней в одной комнате на пять минут?

Я скриплю зубами, не зная, что и думать. Я не знаю, что бы я с ней делал, но странно, что именно о ней я вообще сейчас подумал в таком контексте.

— Мама собиралась испечь мои любимые карельские калитки. Без неё всё будет не так, пап.

— Я знаю, Ань. Но она бы хотела, чтобы ты отпраздновала. Закажем тебе торт «Прага», ты же так любила его в детстве.

Я слушаю их разговор ещё немного — как её отец пытается утешить её, говорит, что можно горевать и всё равно праздновать день рождения.

Я не замечаю, как оказываюсь в дверном проёме, пока Аня не поднимает взгляд. Я смотрю на дорожки слёз на её лице. Хмурюсь. Раньше слёзы на женских лицах меня забавляли. Особенно слёзы тех стерв из университета.

Но не её.

Я не хочу видеть её слёзы, и это меня сбивает с толку. То, что я чувствую сейчас, сбивает меня с толку. Мне никогда ни до кого не было дела, но, стоя в дверях и глядя, как она плачет на нашей кухне, я чувствую себя не в своей тарелке. Разворачиваюсь и заставляю себя подняться обратно. Поем позже.

Если история отозвалась — поддержите звёздочкой и подпиской, буду благодарна!

АНЯ

Я не знаю, что думать о Хищнике. Он сидит у себя в комнате уже несколько часов, пока мы с папой распаковываем вещи и осваиваемся. Дедушка в огороде — собирает помидоры и огурцы к ужину. Папа всегда говорил, что дедушка любит свой огород больше, чем его, и я почти в это верю, зная, как любовно тот обхаживает свои владения.

А потом появляется этот Хищник. На пороге кухни. Когда я плачу. Папа уходит за салфетками, а я поднимаю взгляд и вижу этого парня в дверях. Он просто стоит и смотрит на меня без тени смущения. У него хмурое лицо, словно он не одобряет моё присутствие здесь или что-то в этом роде. Я же не виновата, что мы приехали сюда. Пусть смотрит сколько хочет, это не изменит моей боли.

Внезапно он разворачивается и исчезает, не сказав ни слова. Он вообще не говорил. Он странный, я это понимаю, но,

боже, он такой красивый. Я никогда не называла парня красивым раньше. В нём есть эта угрюмость, которая создаёт образ изломанного плохого парня. Я встречала таких раньше, но в нём есть что-то ещё другое.

У него пепельные волосы, как перья у хищной птицы. Его глаза — светлые, и в них действительно есть что-то опасное. Кожа бледная, фигура долговязая из-за высокого роста. Он наверняка выше ста восьмидесяти. В его ушах целая коллекция чёрных гвоздиков, а на руках виднеются татуировки. Не знаю, как он успел их набить до девятнадцати. Дедушка наверняка не в восторге.

Я не знаю, что и думать о нём, но, учитывая, что он не сказал мне ни слова, возможно, мне и не придётся.

Ужин выдался неловким до невозможности. Папа с дедушкой тихо переговаривались на своём конце стола — оба напряжённые, разговор шёл с запинками. Я сидела молча и хотела провалиться сквозь стул под тяжестью пристального взгляда Хищника.

Он не перестаёт на меня смотреть.

Я хочу спросить, что ему надо, почему он так пялится, но каждый раз, когда набираюсь смелости и открываю рот, слова куда-то пропадают. Он молча приподнимает одну бровь — с пирсингом — и я захлопываю варежку. Чуть раньше я уронила вилку, и когда нагнулась поднять, то заметила у него в ботинке нож. Настоящий охотничий. Этот парень явно не в себе. Дедушка, конечно, считает, что он не опасен, но я бы пока не торопилась так с выводами.

Я испытала невероятное облегчение, когда доела. Обычно я не ем так быстро, да и аппетит почти пропал после смерти мамы, но я проглотила ужин, лишь бы опустошить тарелку.

— Спасибо большое за ужин, дедуль. Я пойду к себе.

— Конечно.

Я схватила свою тарелку и выскользнула из-за стола. Вдохнула с облегчением, оказавшись на кухне, вне поля зрения Хищника. Задвинула посуду в открытую посудомойку и направилась в спасительную тишину своей комнаты. Осталось пережить всего несколько ночей здесь, а потом мы уедем. Но при мысли о возвращении в дом, полный воспоминаний о маме, сердце снова заняло. Возможно, быть здесь не так уж и плохо.

Я поднялась по лестнице и уже собиралась идти по коридору к гостевой, когда заметила, что дверь в комнату Хищника приоткрыта. Я увидела книжный шкаф — а я, как книжный червь, никогда не могу пройти мимо. Из любопытства я подошла к проёму и заглянула внутрь. Шкаф был чёрным, на полках теснилось множество названий. Я быстро пробежалась по корешкам глазами, мысленно проговаривая их.

Там была настоящая книжная коллекция. Примерно половина — художественная литература. Казалось, он не отдавал предпочтения одному жанру: были и классика — много Достоевского, Толстого, Гоголя, — и научная фантастика, и фэнтези, и довольно много хорроров и триллеров, насколько я могла судить. Нехудожественная литература была ещё разнообразнее — от автобиографий до книг по саморазвитию. Похоже, у нас с Хищником было хотя бы одно общее увлечение.

— Что ты тут делаешь?

От звука его низкого голоса я подпрыгнула. Резко обернулась, прижав руку к груди.

— Прости, я просто... — я замолчала, голос снова меня подвёл при виде его светло-зелёных глаз, прищуренных на

мне. Они оказались цвета шалфея.

— Ты просто что?

Я сглотнула.

— Я смотрела на книги на твоей полке. Я люблю читать.

Правда, Аня? «Я люблю читать»?

Я обычно не такая бестолковая, но рядом с ним почему-то теряюсь. Он прищурился ещё сильнее, но потом выпрямился, прошёл мимо меня в комнату, подошёл к шкафу, на мгновение задумался, вытащил одну книгу и протянул мне, зажав длинными пальцами. Я тупо уставилась на него, а он закатил глаза.

— Бери, — отрывисто бросил он.

Я взяла книгу и посмотрела на обложку. Это были «Бесы» Достоевского.

— Что ты... — я снова запнулась, встретив его взгляд.

— Это книга, — рявкнул он, делая вид, что я его раздражаю своей тупостью. — Иди.

— Ты хочешь, чтобы я прочитала её? — выпалила я.

Он нахмурился.

— Читай. Сожги. Делай что хочешь, мне всё равно.

Не зная, что ответить, я прижала книгу к груди.

— Ну... спасибо.

Он снова приподнял брови, и я ждала, что он ещё что-то скажет. Он тяжело вздохнул.

— Убирайся уже из моей комнаты.

Я выскочила за дверь, и она тут же захлопнулась за мной. Я нахмурилась, пытаюсь понять эту резкую смену настроения. Он подаёт совершенно противоречивые сигналы. Я унесла книгу в свою спальню и принялась читать.

Я поняла, почему он дал мне эту книгу.

Слёзы текли по лицу. Они никак не вязались с улыбкой на моих губах. Я дочитала последнюю страницу и выдохнула с чувством удовлетворения. Эта книга была потрясающей. Когда-то я читала Достоевского в школе, но уже всё забылось. Сейчас был как первый.

«Бесы» — мрачная, философская история о людях, потерявших ориентиры, о страдании и поиске смысла. Меня поразило, как автор показывает тьму в душах, и хотя сюжет был далёк от моей жизни, во мне отозвалось ощущение безысходности и той самой надежды, которая пробивается сквозь неё. Конечно, в жизни героев было много такого, чего я не знала, но главное — их боль, их попытки справиться с утратой, их метания — всё это резонировало с моим состоянием. Финал не был слащавым или шаблонным, даже оставался открытым, но в нём чувствовалась надежда.

Тот факт, что Хищник явно прочитал эту книгу и понимал, что она меня затянет, настораживал. В нём гораздо больше, чем кажется на первый взгляд. Он может сколько угодно притворяться угрюмым и безучастным парнем, но

этот выбор книги доказывает, что всё это — лишь маска.

Я хотела побежать к нему в комнату и поблагодарить, но остановила себя. Что-то подсказывало, что он не оценит. Наверняка он из тех, кто смущается, когда его благодарят за добрые поступки.

Я провела всё утро за чтением. Накануне засиделась допоздна, а утром отказалась идти с папой в город, лишь бы дочитать. Как всегда, после окончания хорошей книги я чувствовала лёгкую потерянность. Она была великолепна, и я действительно почувствовала себя чуточку лучше, чем после смерти мамы, но теперь не знала, чем себя занять.

До обеда ещё было время, папа ещё не вернулся, дедушка где-то пропал, а Хищник, скорее всего, сидел у себя. Я положила книгу на прикроватную тумбочку и сделала то, чего не делала с момента смерти мамы — нарядилась. Не спеша, я замаскировала круги под глазами, добавила тушь, чтобы ресницы казались длиннее. Я не знаю, зачем так стараюсь.

Я проигнорировала назойливый внутренний голос, который шептал, что знаю, и что Хищник, если отбросить его ауру «то ли пырнёт, то ли поцелует», на самом деле чертовски привлекателен. Он всего на шесть лет младше меня, но что с того.

Закончив, я расчесала волосы и переоделась в любимые джинсы. Толстовку оставила — было прохладно, — но впервые за долгое время я почувствовала себя красивой.

Подхватив книгу, я вышла из гостевой и пересекла коридор к двери Хищника. Я уже настроилась постучать, как дверь распахнулась.

Хищник на мгновение удивился, увидев меня, но потом его взгляд сузился, впившись в моё лицо. Я улыбнулась ему, хотя сердце колотилось, а внутри всё дрожало от волнения.

— Мне очень понравилась книга, спасибо, что дал почитать.

Я протянула её, не отрывая от него взгляда. Он перевёл глаза на книгу, выхватил её у меня и швырнул назад, где она приземлилась на кровать.

— Не надо носить эту дрянь на лице, — отрезал он.

Он пронёсся мимо, грубо задев плечом, когда зашагал по коридору. Тяжёлые ботинки гулко застучали по лестнице. Я осталась стоять, глядя ему вслед, онемев от шока.

Что я ему сделала?

— Эй! — крикнула я вниз, но в ответ слышала только хлопок входной двери.

Гнев быстро угас, уступив место обиде. Нос защипало, глаза защипало от непролитых слёз. Глупо расстраиваться, но я чувствовала себя полной душой. Я сидела целую вечность перед зеркалом, стараясь выглядеть для него красивой, а он сказал, что не стоит носить эту «дрянь» на лице. Что бы я ни делала, слёзы теперь — моё обычное состояние.

Я переждала в комнате несколько минут, пока не убедилась, что не заплачу, и спустилась вниз. Проверив, что Хищника поблизости нет, я вышла на улицу. Обогнув дом, я вышла к заднему двору. Там был огород с травами и грядками.

За огородом простирался бесконечный газон, который спускался к скамейке у небольшой речушки, протекавшей мимо дома. Я спустилась и села на скамейку. Дерево было холодным даже сквозь джинсы. Я смотрела на медленно текущую воду и наблюдала за птицами.

Телефон завибрировал — сообщения от подруг. Я ответила нескольким и снова уставилась на птиц, как старая пенсионерка.

Я не слышала, как он подошёл, поэтому вздрогнула, когда Хищник сел рядом. Я сидела почти в центре, так что места ему было мало. Его нога в джинсах прижалась к моей — я почувствовала тепло через ткань. Я поджала губы и уже собралась встать и уйти, но одно слово остановило меня.

— Прости.

Я повернулась к нему. На солнце его кожа казалась ещё бледнее. Светло-зелёные глаза смотрели вперёд на реку, отказываясь встречаться со мной взглядом. Чёрные пирсинги в ушах особенно ярко выделялись на свету.

— За что?

Он сжал губы и начал вертеть в руках серебряную зажигалку. Открывал и закрывал крышку, машинально. Медленно повернул голову ко мне, взгляд скользнул по моему лицу. У меня перехватило дыхание, и я изо всех сил старалась не показывать, как сильно его присутствие действует на меня.

— Ты мне больше нравишься без косметики.

Я набралась смелости, отвела взгляд к реке и ответила:

— И что? Я не спрашивала твоего мнения. Это моё лицо.

— Да, — сказал он с тёмным смешком. — Не спрашивала моего мнения. Но получила. — Между нами повисла пауза, и я упрямо ждала, отказываясь первой нарушить молчание. — Книга понравилась?

Я смягчилась при упоминании о ней.

— Очень, — тихо призналась я.

— Можешь оставить её себе.

Сердце ёкнуло, но я подавила это чувство.

— Я могу купить свою, не переживай.

— Не надо, — отрезал он. — Оставь мою.

Я кивнула, сдаваясь. В Хищнике было что-то такое... Не знаю как объяснить. Казалось, он одновременно хочет оттолкнуть меня и впустить. Это сводило с ума.

— А что ты любишь читать?

И так всё началось. Хищник, который, судя по всему, не

слишком разговорчив, охотно болтал со мной больше часа о книгах. Мы обсуждали Достоевского, Толстого, Булгакова, Гоголя — оказалось, что мы оба перечитали «Мастера и Маргариту» по нескольку раз и спорили о смысле финала «Преступления и наказания». Он почти не проявлял эмоций — голос и лицо оставались бесстрастными, даже когда он говорил о своих любимых произведениях, — но я знала, что он говорит только то, что действительно имеет в виду. Я же, наоборот, говорила с жаром, размахивая руками.

Было удивительно, сколько у нас общего, сколько книг мы оба прочитали. Были и те, по которым мы расходились во мнениях, и Хищник забавно морщил нос, заставляя меня смеяться. Этот звук удивил нас обоих. Я не помнила, когда в последний раз смеялась по-настоящему — с тех пор, как умерла мама.

Сидеть с ним на скамейке, говорить о книгах, смеяться и чувствовать себя нормально — именно это мне и было нужно. К тому времени, как дедушка позвал нас обедать, я почувствовала себя обновлённой. Я не исцелилась и не исправилась, но я стала на шаг ближе к этому — и это лишь благодаря парню, которого усыновил мой почти чужой дедушка.

После обеда папа ушёл вздремнуть, а я решила прогуляться в город. Жаль, что я не умею водить — это было бы быст-

рее, чем тридцать минут пешком. Я воткнула наушники, и лесная дорога пролетела незаметно.

Я прошлась по главной улице, заглянула в несколько магазинов. На площади, у фонтана, сидели три девушки. Одну из них я узнала. В прошлый мой приезд я много времени проводила с девочкой, которая жила на соседней улице от дедушки. Кажется, её звали Алла.

— Аня? — голос Аллы заставил меня вынуть наушники. Она улыбнулась и подошла. — Я думала, это ты! Ого! Какими судьбами?

— Алла, привет. Я тут дедушку своего навестить приехала с папой. Ты как?

— Отлично! Не верится, что ты снова здесь. Ты у дедушки остановилась, да?

— Ага.

— Что сейчас делаешь?

Я пожала плечами.

— Ничего.

— Идём с нами.

Алла познакомила меня с двумя другими девушками. Те вели себя как типичные представительницы своего круга, когда в компанию врывается новое лицо: оглядели меня с ног до головы с явным неодобрением и проигнорировали. Алла пыталась поддерживать разговор за всех, так что я не обижалась. Через некоторое время к нам присоединились несколько парней, и Алла представила их — все они учились когда-то в одной школе. Я чувствовала, что один из них, Тарас, разглядывает меня с уж слишком откровенным интересом. Похоже, только Хищник не выносит меня с макияжем.

— Мы собираемся прогуляться по лесу, хочешь с нами?
— предложила Алла чуть позже.

Я заколебалась и посмотрела на время на телефоне. Шесть часов, я знала, что бабушка любит ужинать в семь. К тому же у меня осталось всего 6% заряда.

— Наверное, мне лучше вернуться домой...

— Пойдём с нами, — уговаривал Тарас. Его взгляд снова пробежался по моей фигуре и вернулся к лицу. — Ну пожалуйста?

— Да, Тарас точно расстроится, если ты не пойдёшь, — надула губы Алла.

— Ладно, побуду с вами ещё немного, — сдалась я и пошла за ними.

Тарас пристроился рядом, когда наша компания покинула центр города и направилась в сторону леса.

ХИЩНИК

— Куда она могла запропаститься? — недовольно качает головой дедушка.

— Я найду её.

Я выхожу за дверь, не дав ему остановить меня, и оставляю дедушку с его сыном переживать об Ане. Она ушла в город ещё днём и до сих пор не вернулась.

Я сажусь в дурацкую машину дедушки и еду в центр, несколько раз проезжаю по главной улице, высматривая её. Народу почти нет, Ани нигде не видно. Я уже собираюсь ехать домой, когда вспоминаю, куда обычно ходят местные, чтобы развлечься в компании. Лес.

Звучит зловеще, но на деле это просто рощица с обгоревшими кострищами на окраине города у залива. Местные любят это место, потому что земля ничья и никто не запаривается по поводу частной собственности. Для собачников оно слишком далеко, и туда можно добраться пешком, без машины.

Я останавливаюсь у кромки леса и выхожу. Знаю, что Аня не отвечает на звонки отца — либо игнорирует, либо телефон разрядился. Когда она уходила, я видел, что она слушала музыку. Кстати, сквозь деревья доносится музыка — значит, кто-то в лесу сегодня точно есть.

Солнце ещё не полностью село, так что света достаточно, чтобы идти по протоптанной тропинке среди кустов. Поляна расширяется, и я вижу компанию людей, сидящих на поваленных стволах. Один из них замечает меня и вздрагивает.

— Ты ещё кто такой? — спрашивает он.

— Я ищу Аню.

— Аню? — переспрашивает какая-то девушка. — У неё тёмные такие волосы, да?

Я сверлю её взглядом.

— Где она?

— Она пошла вон туда с Тарасом, — говорит она, указывая на просвет между деревьев.

Мне это совсем не нравится.

Я стискиваю зубы, игнорирую остальных и иду в указанном направлении. Тропинка ведёт к заливу. Я иду по ней, держа уши остро, прислушиваясь к любым звукам.

Я нахожу их у воды. Парень — Тарас — прижимается к ней слишком близко. На секунду во мне вскипает ярость, но я всматриваюсь внимательнее. Он пьян, шатается, и его руки

уже не просто обнимают — они скользят ниже. Он наклоняется и целует её в шею, а она отталкивает его ладонями, пытаясь сохранить дистанцию.

— Перестань, Тарас, — говорит Аня, голос дрожит, но он не слушает.

Его ладонь сжимает её задницу, и она резко дёргается, пытаясь вырваться.

— Отпусти! — кричит она.

Кровь закипает во мне.

— Ах!

Аня вскрикивает, когда я хватаю Тараса за капюшон и швыряю на землю. Она отступает назад, освобождая место, а я прыгаю на него сверху, прижимая своим телом.

— Хищник! — снова вскрикивает она.

— Какого хрена, мужик? Ты вообще кто? — бормочет Тарас, пытаясь скинуть меня.

Мой кулак врезается в его лицо. Я чувствую, как кости хрустят под костяшками, и волна удовлетворения захлёстывает меня — это ненормально. Мне чертовски нравится. Опьянённый властью, я бью снова. И снова. Я продолжаю, пока не чувствую чьи-то ладони на своих плечах, пытающиеся оттащить меня. Сквозь гул в ушах я наконец слышу крики рядом и морщусь от визга. Остальные с поляны прибежали сюда, и одна из девчонок орёт во всю глотку.

— Хищник, нам надо уходить! — торопливо говорит Аня, дёргая меня за руки.

Я встаю на ноги, и она проскальзывает своей рукой в мою, тянет меня. Я позволяю ей увести меня, забыв о парне, оставшемся на земле. Всё моё внимание сосредоточено на её руке, сжимающей мою. Она тащит нас обоих обратно по тропинке.

— Машина, — говорю я ей, указывая направо, когда она пытается повернуть налево.

Я выхожу вперёд и веду её за собой. Я не отпускаю её руку. Мне нравится, как она лежит в моей, будто так и должно быть.

— Что это было там?! — спрашивает Аня, когда мы добираемся до машины.

Я открываю дверь, мы садимся. Я игнорирую её вопрос.

Завожу двигатель и отъезжаю от леса, не отвечая на её вопрос.

— Серьёзно, Хищник, что за хрень? Ты его избил! Зачем было так продолжать? Я не могла тебя остановить. — Она замолкает и опускает голову. — Ты меня напугал.

Только эти слова пробивают мою броню. Я прочищаю горло.

— Прости, что напугал.

Она поднимает голову и как-то странно смотрит на меня, пока я выруливаю на главную дорогу к дому. Я чувствую её взгляд, пока мы едем обратно к дому. Когда я паркуюсь на подъездной дорожке, мы оба сидим неподвижно. Она поворачивается ко мне, придвигается ближе и, прежде чем я успеваю что-либо понять, её губы касаются уголка моих. Лёгкое, едва ощутимое прикосновение, которое длится несколько секунд.

— Спасибо, — шепчет она, отстраняясь. Её глаза встречаются с моими. — Ты защитил меня.

Я проглатываю ком, который никак не хочет проходить.

— Что это было? — выдавливаю я хрипло.

Она едва заметно улыбается и кладёт палец на мои губы.

— Это только между нами, — говорит тихо. — Никому ни слова.

Я киваю, всё ещё пребывая в шоке. Её прикосновение обжигает, а в голове звенит одна-единственная мысль: она меня поцеловала.

АНЯ

Папа злится, что я так поздно вернулась. Хищник не произносит ни слова, просто садится за стол и ждёт, пока подадут ужин. Дедушка поджигает губы и хмурится, но не комментирует. Думаю, папа получит своё позже, когда я лягу спать.

— Прости, я потеряла счёт времени, болтала с Аллой. Помнишь её? В прошлый раз мы вместе гуляли. Она живёт через дорогу.

— Это дочка Клавдии Костиной, — вставляет дедушка. — А теперь все садитесь, еда должна была быть на столе полчаса назад, так что не жалуйтесь, если она уже не такая вкусная.

Еду разогрели, так что она вполне съедобна, а я к этому

моменту уже голодна, поэтому набрасываюсь сразу. Хищник делает то же самое. Папа качает головой через стол.

— Безответственно было позволить телефону разрядиться. Ты представляешь, как ты нас напугала?

— Прости, пап.

— Мда. Хорошо, что Хищник тебя нашёл.

Я встречаю взгляд Хищника через стол и слегка улыбаюсь ему.

Да.

Тарас был навязчивым придурком, а Хищник оказался рядом именно тогда, когда был нужен. Он вышел из себя и перегнул палку. Он напугал меня, но он же меня и спас.

ХИЩНИК

Я чувствую... потерянность, когда в воскресенье Аня уезжает. Утро мы провели у реки. Почти не разговаривали, но сидели рядом на скамейке и читали. Впервые за долгое время я не чувствовал себя одиноким.

Я смотрю из окна, как она и её отец уезжают на своей машине. Она машет мне, но я не машу в ответ. Она знает, что я не из тех, кто машет. Но на секунду моя рука дёргается — почти хочется ответить. Я и ненавижу, и люблю её за то, что она так на меня действует.

После того как я извинился на скамейке — а я никогда не извиняюсь — мы начали разговаривать. Я не люблю людей, поэтому редко с кем-то говорю. Но с Аней мне почему-то нравится болтать. Она оказалась забавной, хотя я этого не ожидал. У неё более мрачное чувство юмора, чем я думал.

За последний день или около того она расслабилась рядом со мной. Как только она опустила защиту, её было не

заткнуть. Я был прав насчёт неё — она определённо из тех популярных красивых девушек, и если бы я знал её в школе или в универе, я бы, наверное, возненавидел её, но мы не в школе, так что мне плевать. Она слушает глупую попсу, хотя в её плейлистах попадают и хорошие треки.

После моего замечания она больше не красилась, и хотя я ненавижу, что расстроил её, я рад, что она не наносит эту химию. Мне нравится её лицо без косметики — она слишком красива, чтобы прятаться за этой фальшью. Мне также не нравилось, что с макияжем она выглядела старше. Я не извращенец, который хочет, чтобы она выглядела моложе — дело совсем не в этом, — а в том, что сорокалетние мужики могут подумать, что она старше, и начать клеиться. А некоторые мужики — просто извращенцы.

Дедушка был доволен, что мы поладили. Её отец выглядел настороженным — он не знает, что обо мне думать. Большинство людей не знает. Но Аня знает. Когда она смотрела на меня, в её глазах не было осуждения. И жалости тоже. Она не жалеет меня из-за моего прошлого — у самой жизнь не сахар. Как и я, она знает, какой дерьмовой может быть жизнь. Слышать её смех было офигенно. Услышав его в первый раз, я твёрдо решил услышать его во второй. Часть меня хотела

записать его на видео, чтобы переслушивать.

Что со мной происходит?

Я не знаю, кто эта девушка и увижу ли я её когда-нибудь снова, но я точно знаю одно. Я никогда не буду считать её родственницей. То, чего я от неё хочу, не имеет ничего общего с родством. С того момента, как она появилась в моей жизни — всего неделю назад — я решил, что хочу её.

Но я не могу её иметь.

Это не мешает мне подойти к ноутбуку и сделать кое-что импульсивное. Хотя на самом деле это не так уж импульсивно. Я думал об этом последние несколько дней.

Я связываюсь с одной компанией и договариваюсь. В канун дня рождения Ани ей привозят карельские калитки.

Через два месяца после того, как Аня с отцом погостили

у нас, дедушка крупно поссорился с сыном. Я застал конец их разговора, когда он кричал в трубку стационарного телефона.

Да, дедушка всё ещё пользуется стационарным. С проводом и всем прочим.

Я не уловил всего, но, кажется, речь шла об Ане. Дедушка хотел, чтобы сын насовсем переехал сюда, в Сестрорецк, а он, видимо, не считал это хорошей идеей. Ссора длилась почти полчаса. Мне надоело слушать, и я ушёл к себе.

Вечером дедушка сказал, что я больше не увижу ни Аню, ни её отца. Он также сказал, что ему всё равно, чего хочет сын, он будет продолжать звонить Ане. Через несколько недель я поступил в университет в городе. Я выбрал специальность программиста, потому что мне всегда было интересно, как работают системы изнутри. Дедушка не одобрял мой переезд, но я решил, что мне нужно двигаться дальше.

Как оказалось, я обожаю компьютеры. На курсах в городе я нашёл товарищей по коду — ребят, которые не вызывали у

меня желания выколоть себе глаза. Я, конечно, избегал почти всех остальных. Как правило, я не люблю людей. Никитос и Олег — исключения. Мы вместе учились кодить, сдавали курс на отлично, а параллельно осваивали нелегальную сторону хакерства.

Именно они однажды показали мне, как можно следить по взломанным камерам за девчонками в раздевалках спортзала. Это было мерзко, но я тогда задумался о другом — о том, что так можно следить за любым человеком, где бы он ни был. Никитос и Олег рассказали, что этому их научил один хакер-нелегал, и я попросил их дать мне его контакты.

Я съехал от бабушки через несколько месяцев. Нашёл себе жильё на окраине города. Мне ничего не оставалось, кроме как выкинуть Аню из головы. Бессмысленно думать о девушке, которую я никогда больше не увижу. Бабушка всё так же звонил ей и любил рассказывать мне об этом, когда я приезжал к нему на выходные, так что я получал свою дозу новостей об Ане.

Но я знал, что этого надолго не хватит. Аню нельзя просто стереть из памяти. В тот день, когда она вышла из ма-

шины, во мне что-то переключилось. Что-то во мне решило, что она будет моей. И пока я давал ей пространство и время, я оттачивал навыки взлома, чтобы однажды внедриться в её жизнь. Когда мы оба будем готовы, я верну её к себе.

ХИЩНИК

— Что ты там колдуешь? — спрашивает Никитос, заглядывая мне через плечо. Я автоматически напрягаюсь, затем заставляю себя расслабиться. Сворачиваю окно, чтобы он не разобрал код, который я пишу.

— Проект, — уклончиво отвечаю я.

Он приподнимает брови и плюхается на стул напротив. Откинувшись, он кладёт свои ботинки на соседний пустой стул.

— Этот проект случайно не связан со взломом чьего-то телефона?

Бля, я знал, что он что-то заметил.

Я ничего не говорю, только приподнимаю брови. Он ухмыляется и достаёт свой телефон.

— Без напряга, чувак. Просто скажи, когда застрянешь и

понадобится помощь.

— Не надейся.

— Я серьёзно. Ты же знаешь, что в какой-то момент я тебе всё равно понадоблюсь.

Я скриплю зубами, чтобы не выругаться. Скорее всего, он прав. И это бесит. Ненавижу, что я всё ещё в универе. Мы только на втором курсе, и моих навыков пока недостаточно. Наши преподы учат нас легальным штукам, а мы с корешами в свободное время осваиваем тёмные пути. Никитос знает больше меня и подкармливает меня информацией по крупницам — бесит, но он мне нужен. Ему просто нравится иметь власть над кем-то. Его всю жизнь травили, я понимаю это чувство всемогущества.

— И на чей же телефон ты пытаешься сесть?

— Кое-кого важного, — бормочу я.

— Девушка, значит, — фыркает он и заинтересованно смотрит на меня. — Чел, это же не Арина?

Арина — сокурсница, с которой я иногда встречаюсь. Я не заинтересован в отношениях, а она убеждена, что мы вместе.

Кроме Ани, она единственная, кого я могу терпеть рядом.

В детстве я никогда не думал, что буду романтически интересоваться кем-то. Мне трудно доверять людям, и я терпеть не могу, когда меня трогают, особенно если я не знаю человека или не жду прикосновения. Встреча с Аней была как увидеть падающую звезду или найти золотую монету на берегу. Она была странным феноменом, который не подчинялся обычным правилам — моё тело приняло её близость.

Хотя она не выходила у меня из головы последние несколько лет, я понял, что надо отпустить её, чтобы увидеть позже. У меня полно времени, а ей нужно попробовать взрослую жизнь на вкус. Ей ведь недавно исполнилось двадцать семь. Самое время.

Почему Арина зацепила меня? Она тоже пережила травму. У неё те же проблемы с физическим контактом, что и у меня. Я узнал об этом, когда впервые встретил её — Никитос обнял её за плечи, и она вздрогнула так сильно, что чуть не заработала хлыстовую травму шеи. Она понимает мои загоны, и мы уважаем друг друга.

Арина перевелась на наш курс в сентябре и начала тусоваться с нашей компанией. Мы сначала дружили, а потом она начала... флиртовать. Я думал, она прикалывается. Но

она пригласила меня на свидание, и это застало меня врасплох. Думаю, она сделала это только потому, что почувствовала себя в безопасности рядом со мной.

Мы «встречаемся» уже три месяца и сходили всего на пять свиданий — все с ноутбуками и фастфудом. С ней неплохо тусоваться. На прошлой неделе она наклонилась и спросила, может ли поцеловать меня. Я целовал только двоих до неё и оба раза пожалел, но напомнил себе: я в универе, нужно экспериментировать.

Мы были в моей квартире, которую я делю с Олегом. Её губы были мягкие и теплые. Поцелуй не вызвал отвращения. Позже, когда она уходила, она поцеловала меня снова, и я позволил. Я могу привыкнуть к этому делу с поцелуями — это довольно легко освоить.

— Нет, не Арина, — бормочу я.

— Интересно, — размышляет Никитос. — Значит, другая девушка. Кто же эта загадочная особа... Что так заинтриговала нашего сурового парня.

Я не отвечаю, но выражение моего лица говорит само за себя. Никитос ухмыляется, и в этот момент я его ненавижу. Внезапно его глаза расширяются, и он убирает ноги со стула.

— Осторожнее, твоя девушка идёт сюда.

Через минуту появляется Арина и садится на пустой стул рядом с Никитосом. Она застенчиво улыбается нам обоим и поправляет короткие светлые пряди волос за ухо.

— Привет, мальчики.

— Привет, Арина, — говорит Никитос, ухмыляясь, как придурок.

— Чем вы тут занимаетесь? — спрашивает она, любопытно глядя на меня.

Я закрываю ноутбук. С ней здесь я не могу продолжать свое дело.

— Наш юный хакер опять взламывает коды.

Её брови приподнимаются, любопытство разгорается. Хотел бы я, чтобы Никитос держал язык за зубами.

— О. Круто. Могу я чем-то помочь?

— Нет, — ответ выходит резче, чем я хотел, поэтому я

смягчаюсь. — Хочешь, принесу тебе что-нибудь? Я пойду за кофе в Буше, — предлагаю я, вставая.

— Я с тобой! — она вскакивает, улыбаясь. — Никит, посмотри стол.

— Почему я должен сидеть здесь один? — надувается он.

— Олег уже идёт, — напоминает ему Арина. — Что-то хочешь?

— Какао и вензель с корицей, — требует он и скрещивает руки на груди, снова закидывая ноги на её стул.

— Не слипнется у него? — шепчет мне Арина, и я усмехаюсь.

Она идёт рядом, и я краем глаза вижу, как она тянется к моей руке, но отдёргивает её.

Через секунду она спрашивает:

— Хищник? Можно я возьму тебя за руку?

Арина не Аня. Она никогда не станет Аней, но она всегда уважает мои границы, и мне это, блин, нужно в девушке, ко-

торая не Аня.

— Да.

Благодарный, что она спросила, я протягиваю ей руку, и она вкладывает свою в мою. Ненавижу, что мысли уносят меня в тот вечер, когда Аня пошла в лес с теми придурками из города, и мне пришлось её разыскивать. О чём она только думала? Я отчётливо помню, как она держала меня за руку. Она была первой, кто сделал это после моей мамы. Никто не держал меня за руку много лет. Даже бабушка.

— Ты в порядке? Ты чего-то завис.

— Да, — я прочищаю горло и выгоняю Аню из головы.
— Я в порядке.

Пару месяцев спустя я наконец-то взломал её аккаунт. Я издаю победный возглас, получив доступ к телефону Ани. Шпионское ПО было сложно сделать, а загрузить его на её телефон оказалось проще простого. Я просто отправил ей письмо от имени университета, в который она поступила. Один клик по ссылке — и вуаля, я получил доступ к её телефону.

Именно через мою шпионскую программу мне удаётся снова войти в жизнь Ани. Мне больше не нужны новости от бабушки — у меня есть кое-что получше. Я вижу её переписки с подругами, её фото в галерее, покупки и письма. Я получаю окно в её жизнь и прокручиваю информацию по несколько раз в день. Я сбился со счёта, сколько раз Арина спрашивала, на что я смотрю, пока я следил за Аней.

Так я узнаю, что она с кем-то встречается. И также узнаю, когда они расстанутся, потому что он изменил ей. Он признаётся в измене и бросает её по смс. Ещё не осознав, что делаю, я уже в машине и еду в её город.

Мне требуется некоторое время, чтобы найти его данные. Приходится взломать базу данных университета, но я нахожу его адрес. Арина пишет мне как раз когда я подъезжаю к его улице.

Хочешь поесть корейской еды? В «Сакуре» акция «2 по цене 1».

— Нет, я не хочу корейской еды, — бормочу я под нос, набирая ответ:

«Ок. Буду работать над проектом пару часов. Можем поздно, часов в 8?»

Она отвечает «да»)), как я и предполагал. Арина очень покладистая девушка — ещё один пункт в её пользу и причина, почему я не против её компании.

Бывший, изменщик и просто мудака, который обидел мою Аню, приезжает домой меньше чем через пятнадцать минут. Я смотрю, как он паркует свою развалюха и заходит внутрь. Я выскальзываю из машины, проверяю, нет ли камер, и спускаю ему шины.

Я скольжу обратно в салон, с довольным видом глядя на его машину, прижатую к земле. Но этого недостаточно. Я проверяю, включён ли у него Bluetooth, и взламываю его телефон, потому что, ну, пошёл он нахрен. Я удаляю столько файлов и фотографий, сколько могу, затем стираю резервную копию в iCloud и сбрасываю все данные на телефоне. Этот мудака больше никогда не будет иметь ни одной фотографии Ани. У него даже нет её контактов. Его телефон стёрт, как и он сам из её жизни.

Довольный тем, что отомстил за Аню, я еду домой есть корейскую еду со своей девушкой.

На третьем курсе мы с Ариной празднуем нашу первую годовщину. «Празднуем» — значит, я покупаю нам суши, а она дарит мне открытку с двумя сердцами, держащимися за руки. Год мы тусовались, целовались и иногда раздевались вместе. Сколько бы наши друзья ни дразнили нас, они понятия не имеют, что мы так и не переспали.

Арина была не готова снова заниматься сексом после того, что с ней случилось, а я не был заинтересован в этом с ней. Я знал, что люблю секс, но не доверял Арине достаточно. Мне нужно было больше времени, а времени у нас не было. Заканчивался наш курс, и я знал, что она хочет вернуться в Псков, где жила её семья.

К выпуску мы договорились расстаться по обоюдному согласию. Хотя наши отношения не были нормальными по стандартам большинства людей, мы идеально подходили друг другу. Ей нравилось, что я не давил на неё, как большинство парней. Мне нравилось, что она не была слишком тактильной.

В день выпуска я обнял её и пожелал удачи. Я ненавидел себя за то, что хотел, чтобы в этот момент в моих руках была Аня. Дедушка приехал на мой выпуск, но я хотел, чтобы там была и Аня. Однако она понятия не имела о моём присутствии в её телефоне и находилась в двух часах езды в другом

городе, в другом университете, живя лучшей жизнью на последнем курсе аспирантуры.

Дедушка мельком увидел Арину. Он не мог поверить, что у меня целый год была девушка. Я пресекал любые попытки их встречи, хотя Арина хотела познакомиться с ним. Мне казалось неправильным приводить Арину в дом дедушки. Я не хотел видеть её там, потому что, когда я смотрю на этот дом, я вижу Аню.

В двадцать два года я вернулся в дом дедушки. Всё ещё девственник, хотя уже не в такой степени, как раньше. Я устроился на работу в местную автомастерскую и по вечерам продолжал заниматься хакерством. Дедушка разрешил мне оборудовать домашний спортзал в цоколе, и так я наконец избавился от своей долговязости.

Я всё ещё следил за Аней, но уже не так часто. Половина её переписка была мне неинтересна, а читать флиртующие сообщения с парнями меня только бесило. Вместо этого я следил только за крупными событиями — например, за крупными покупками или бронированием отпуска. Мне нравилось знать, где она находится, поэтому я часто проверял её геолокацию. Мне было всё равно, что она делает, я просто хотел знать, где она. Это давало мне чувство спокойствия. Власти и контроля над той, что никак не выходила из моей

ГОЛОВЫ.

ХИЩНИК

Я возвращаюсь из спортзала, пот стекает по вискам и скачивается к подбородку. Вытираю лицо полотенцем, висящим на шее, и достаю из холодильника напиток. Некоторые могут посмеяться надо мной, что я живу с приёмным дедом в двадцать пять лет, но у меня есть домашний спортзал и я живу в отличном доме бесплатно. Думаю, я здесь в выигрыше.

Дедушка заходит на кухню и морщит нос при виде меня.

— Тебе нужно принять душ.

Я закатываю глаза.

— Я уже собираюсь.

Он оглядывает меня с ног до головы, поджав губы.

— Не понимаю, почему ты не ходишь в спортзал в городе. В гараже ты никого не встретишь.

Я смотрю на него безучастно, но он не понимает. Хотя я уже говорил ему раньше, повторяю:

— Я не люблю людей, ты знаешь.

Он вздыхает и качает головой.

— Тебе нужно чаще выходить из дома. А как же твои друзья? Никита и Олег? Они же тебе нравятся.

— Я их терплю. В этом разница, — отвечаю я прямо.

Он фыркает от досады.

— А как же я?

— Я тоже тебя терплю, — отвечаю я с усмешкой.

Он хватается кухонное полотенце и хлещет меня им по спине, мы оба смеёмся. У нас странные отношения. Он не отец мне, и я не сын ему. Он даёт мне дом, а я даю ему столько общения, сколько способен. Хотя я его не люблю — не уверен, что вообще способен на такое, — я забочусь о нём и благодарен, что он вытащил меня из той дыры, в которой я был до него.

— Совсем забыл сказать. Я сегодня получил сообщение от Анны.

Ненавижу тот факт, что даже спустя шесть лет моё сердце бьётся чаще при упоминании её имени. Я делаю вид, что мне всё равно, и потягиваю воду.

— Да?

— Я отправил ей цветы на годовщину смерти моего сына в прошлом месяце, я вписал твоё имя в открытку, — говорит он, потирая глаза. — Она недавно закончила аспирантуру. Будет терапевтом.

— Понятно, — отвечаю я неопределённо.

Внутри я уже гадаю, смогу ли взломать её ноутбук и посмотреть, что она планирует на будущее. Мне интересно, какой у неё план.

— Думаю, у неё будет всё хорошо, — говорит дедушка с хмурым видом. — По сообщениям вообще сложно понять, но она никогда не отвечает прямо, когда я предлагаю ей приехать в гости.

— Почему бы тебе не съездить к ней? — предлагаю я, уже зная ответ.

— Нет, не хочу.

Дедушка очень своеобразный человек, и одна из его особенностей — он никогда не покидает дом надолго. Он не ездит в отпуска и совсем не путешествует. Его максимум — пройтись к пляжу и повздыхать на залив. Если он и увидит внучку, Аня должна приехать сюда сама. Но она не приезжает. Меня бесит, что она ни разу не навестила его за шесть лет.

Её отец умер недавно, и она всё равно не приехала. Если честно, я её не виню. Дедушка и его сын не разговаривали, когда тот заболел, он даже на похороны не пошёл. Мне хотелось поехать. Мысль о том, что Аня всё устраивает одна, заставляла меня хотеть поехать, но в итоге я решил, что это будет слишком странно. Мы не родственники и встречались всего пару раз. Она бы не хотела, чтобы я там был.

— Ладно, без разницы, я в душ.

АНЯ

Я беру телефон и отправляю сообщение своей лучшей подруге Кристине.

«Только что заправилась, буду у тебя через полчаса!»

Я снова завожу двигатель и выезжаю на дорогу, минуя унылые, знакомые с детства пейзажи пригорода: серые заборы, покосившиеся деревянные усадьбы и запах хвои. Прекрасный, осенний запах хвои. Телефон закреплён на держателе и показывает путь до дома Кристины в Красногорске. Мы познакомились в университете и, к удивлению, выяснилось, что её семья из этих мест, что по соседству от дома моего дедушки.

Мой дедушка и его приёмный сын, о котором я не хочу думать. Это было так давно. И так странно... Всё это уже в прошлом.

Дедушка не ладил с моим папой, когда тот умер, но он писал мне письма вплоть до своей скоропостижной смерти в прошлом месяце. Теперь у меня совсем не было родственников. У дедушки был инфаркт. Но мне сказали соседи, что это было быстро и безболезненно. Легче от этого не стало. Его смерть была внезапной, и новость меня шокировала. Первая мысль была о Хищнике, но у меня не было способа связаться с ним.

После его смерти адвокат дедушки связался со мной. Я была очень удивлена, узнав, что он оставил дом и мне, и Хищнику. Разделил поровну. Адвокат сообщил, что второй наследник намерен остаться жить в доме, но хочет только спортзал в цоколе и свою спальню, он согласен на то, чтобы я пользовалась остальными комнатами.

Я пыталась полгода проработать терапевтом, но постоянные недели без выходных и низкая зарплата заставили меня уволиться и начать поиск чего-то лучшего. Так я оказалась в тридцать один год на распутье. Без средств к существованию мне пришлось сдать папину квартиру в аренду — это был мой единственный доход. И, не имея идей куда податься, я

решила, что пожить в большом доме покойного дедушки — не такая уж плохая идея. Одна проблема: придётся жить с его приёмным сыном под одной крышей.

Странно... Нет. Дико.

Я даже не знаю, как начать решать эту ситуацию, поэтому, как настоящая трусиха, я сначала еду к Кристине. Она всё ещё живёт с родителями, но у них большой старый дом с четырьмя гостевыми комнатами, и они любезно согласились приютить меня на недельку-другую, пока я устроюсь, а потом я наберусь смелости и поеду в дом, где живёт Хищник и где, видимо, тоже буду жить я в ближайшие пару месяцев.

У меня не много денег. Хватает, чтобы сводить концы с концами, и я разумно распоряжаюсь доходом — откладываю на сбережения и делаю небольшие вложения. Когда представилась возможность съехать из квартиры и переехать в дом, я согласилась. Я не очень умею жить одна, хотя мне нравится своё пространство, но также я люблю быть рядом с другими. Я вроде как кошка в этом смысле: мне не нужен постоянный контакт, но я люблю, когда кто-то есть рядом.

Я понятия не имею, как сложится наше совместное житьё с Хищником. Дом большой, насколько я помню, так что, думаю, нам легко будет иметь свои пространства и не мешать друг другу. Всё равно... поначалу может быть неловко, пока мы узнаём привычки и предпочтения друг друга.

За эти годы я часто думала о Хищнике. Дедушка упоминал его в письмах, и я вспоминала те выходные, когда мы с папой гостили у них, чаще, чем готова признаться. Я думала о нём каждый раз, когда перечитывала «Бесов» — это, наверное, книга, которую я перечитывала в жизни больше всего. Интересно, читает ли он до сих пор. Если да, то хотя бы это у нас будет общим.

Дороги пригорода легко проходимы, трафик небольшой. Через полчаса я въезжаю на подъездную дорожку Кристины и глушу двигатель. Она вылетает из двери — большая улыбка и блестящие черные волосы. Я ужасно завидую её пушистым ресницам, они такие красивые.

— Моя маленькая белочка! — кричит она, используя моё прозвище.

Я распахиваю дверцу, выпрыгиваю и широко раскрываю руки, чтобы она могла в них броситься.

Мы смеёмся в объятиях друг друга, крепко обнимаясь. Она чуть отстраняется, берёт моё лицо в ладони, улыбка становится грустной.

— Я так рада, что ты здесь. И снова соболезнаю по поводу дедушки.

— Всё в порядке, — успокаиваю я. — Хотя умираю, как хочу в туалет.

— Ладно, — смеётся она. — Пошли. Мои родители приготовили обед. Голодная?

У меня сжимается сердце от такого простого доброго жеста. Я несколько раз встречала родителей Кристины, и они всегда относились ко мне как ко второй дочери. Сначала я

думала, они жалеют меня, что я потеряла обоих родителей, но теперь понимаю — они просто любящие люди. Я принимаю их с распростёртыми объятиями, даже если это заставляет меня ужасно скучать по своим собственным родителям.

Хотя я очень тревожусь перед встречей с Хищником и совместным житьём, часть меня действительно благодарна, что у меня осталась хоть какая-то семья. Мы не кровные родственники, я знаю, но я всё равно считаю его почти семьёй. Я потеряла всех остальных. Кроме семьи Кристины, у меня никого нет.

После того как я поболтала с её родителями и съела вкусный обед, Кристина помогает мне занести сумки в одну из гостевых на втором этаже. Я распаковываюсь, уже чувствуя себя виноватой, что навязываюсь им.

Нормальным было бы связаться с Хищником и поехать в свой дом. Вместо этого я отсиживаюсь у подруги в соседнем городе. Я иногда становлюсь такой неловкой, ненавижу это.

— Какие планы на эти выходные? — спрашиваю я её,

зная, что у Кристины всегда что-то запланировано.

Если я интроверт, то она — полная противоположность, экстраверт. Она никогда не чувствует себя неловко, обожает знакомиться с новыми людьми и, так сказать, хватается любую возможность за рога. Если бы не она, я бы редко выходила из дома. Книги и планшет — моё спасение.

— Вечеринка в честь дня рождения Гриши, о которой я говорила. Помнишь? Она состоится. Гриша подтвердил вчера вечером.

Гриша, парень, с которым Кристина училась в местной школе и которого я смутно помню ещё по детским каникулам в Сестрорецке (он был на пару лет старше нас и всегда казался мне каким-то важным взрослым). Теперь ему исполняется тридцать два года, и он владеет несколькими особняками в городе от своих богатых родителей. На их территории, на самом берегу залива, есть старая усадьба, которая раньше была для прислуги. Видимо, он обустроивает её для камерной вечеринки в эту субботу, и нас пригласили.

— Он точно не против, что я приду с тобой? Он же меня давно не видел, может, даже и не помнит.

Кристина закатывает глаза.

— Во-первых, это вечеринка, там будет куча людей, которых он не знает. В этом и суть — знакомиться с людьми. — Я фыркаю, но она продолжает: — А во-вторых, когда он увидит тот сексуальный наряд, который я для тебя приготовила, он пропустит тебя без вопросов.

— Будешь использовать мое тело, чтобы добиться своего? — мечтательно говорю я, и она смеётся.

— Если это работает, почему нет? — она хватает меня и игриво трясёт. — И почему ты вообще не спрашиваешь меня, какой наряд я тебе приготовила? Разве тебе не интересно?

Я делаю вид, что задумалась, постукивая по подбородку.

— Хм, пожалуй, мне интересно. Покажешь?

Кристина выбегает из комнаты, я слышу, как её шаги удаляются в гардеробную. Раздаются звуки возни, а потом она бежит обратно с двумя нарядами в руках. Останавливается у кровати и поднимает их.

— Та-дам! Как тебе?

У меня отвисает челюсть.

В одной руке она держит облегающее чёрное боди с глубоким вырезом и сетчатыми вставками, в другой — алое мини-платье с открытой спиной и разрезом до бедра.

— Что это? — выдыхаю я.

— Я надену вот это, потому что, ну, — она встряхивает волосами. — Грех не показать всё, что есть. А ты, моя доро-

гая, наденешь вот этот чёрный боди.

Моё лицо заливается краской, когда представляю себя в этом.

— Ну как? — настаивает Кристина, когда я молчу.

Я качаю головой и улыбаюсь ей.

— Думаю, я тебя обожаю.

ХИЩНИК

Я смотрю на время последней операции по карте Ани и затем на часы. Она уже должна быть в Красногорске. У меня тройной монитор в спальне — центр моего хакерства.

Когда дедушка умер и я узнал, что мы с Аней совместные наследники, я вернулся к старым привычкам — бесконечно следил за ней. Она девушка, в которую я когда-то влюбился, и, похоже, она так и не вышла у меня из головы. Последние несколько лет я был более менее адекватным — запихнул её на задворки сознания и сосредоточился на чём угодно, кроме неё. Я даже перестал так часто проверять уведомления с её телефона.

Но как только она снова вошла в мою жизнь через завещание дедушки, и я заглянул в её свежие фото, всё было кончено. Я снова увидел её и сорвался с катушек.

Она чертовски красива.

Она всегда была симпатичной, но, блядь. Я не был готов

к тому, что увидел в её соцсетях. Она не выкладывает много фото в свой профиль, не так, как раньше, когда я часто следил за ней. Она предпочитает публиковать картинки мест, которые посетила. Те немногие селфи, что она выложила за последний год, недостаточны для меня.

Она делает больше селфи, чем выкладывает. Они лежат в галерее нетронутыми. Она потрясающе выглядит даже на водительских правах, а на них никто не выглядит хорошо. Я провёл часы, пролистывая фото, которые пропустил за время своего перерыва. Я просматривал её аккаунты, хотел увидеть, на что она тратит деньги. Оказывается, на книги и нижнее бельё. Очень странно, но, кажется, она покупает его лишь для себя. Греет мысль, что под одеждой — сексуальное кружево? Хотя её давно никто не раздевал. Уже год, как она рассталась с очередным проходным парнем.

Адвокат дедушки рассказал мне, что она переезжает обратно в Сестрорецк. Жить со мной. Я не был уверен, что она согласится, но она согласилась, и я, блядь, чертовски счастлив.

Эта женщина будет моей. По-моему, она всегда была моей. С тех пор как я впервые увидел её и испытал настоящее, неподдельное влечение впервые в жизни. Я никогда не чувствовал ничего подобного с тех пор. Никогда не желал ни-

кого так, как желал её. Никакие разговоры не сравнились с теми, что мы вели в те несколько дней на скамейке у реки.

Её читательское приложение открыто. Я вижу, что она читает, и купил несколько книг из её списка. Мне понравилось, у нас до сих пор схожие вкусы. Я хочу обсудить их с ней. Её музыка всё ещё та мешанина из отвратительной попсы и сносного рока. Над этим придётся поработать.

Она всё ещё красится, и я уже не так против, как раньше. Уверен, я всё ещё предпочитаю её без косметики, чтобы она не пряталась за маской, но это уже не вызывает во мне той же реакции. Когда я увидел её накрашенной в тот раз, я отреагировал резко, потому что это напомнило мне о моей матери. Она всегда наводила марафет перед приходом очередного клиента. Для меня косметика была прикрытием, фальшивой игрой. Я не хотел, чтобы Аня была фальшивой рядом со мной. Но должен признать, она выглядит красиво с длинными чёрными ресницами и накрашенными алыми губами.

Но самое интересное, что я нашёл? Новые аккаунты, на которые она подписана в соцсетях. У моей девочки фетиш на маски. Она подписана на несколько пабликов с полуголыми парнями в масках — от маски из фильмов ужасов до обычных балаклав.

Её лучшая подруга Кристина прекрасно знает о её фетише и использует это для своей вечеринки. Они начали переписываться о предстоящем мероприятии несколько недель назад, и я следил за их перепиской. Я проверил покупки Кристины — она купила маску из того самого фильма для моей девочки. Сегодня они идут на день рождения к какому-то Грише, и там я увижу её впервые за шесть лет. У меня есть своя маска для неё — она лежит на кровати, ждёт, когда её наденут.

Надеюсь, ей понравится.

АНЯ

Я невероятно благодарна, что родителей Кристины нет в субботу вечером. Я бы умерла, если бы они увидели мой наряд. Боди такое обтягивающее, так ещё и вырез глубокий. И эти глупые маски...

Забавно, что день рождения Гриши угораздило совпасть с Хэллоуином — сам виновник торжества, видимо, решил, что это судьба, и потребовал, чтобы все явились в масках. Тридцатилетние взрослые люди, которые прячут лица за резиновыми черепами и пластиковыми клыками. Весело.

Нам требуется почти полчаса, чтобы сделать фото, которое понравится обеим. Я чувствую себя отлично, и Кристина выглядит шикарно, но по закону подлости в каждом фото, которое нравится одной, другая моргает, стоит криво или не так улыбается. Мы обе слишком критичны к себе, но в итоге получаем кадр, который нравится обеим.

— Я выложу это в соцсети в такси, — заявляет Кристина.

В отличие от меня, она очень активна в соцсетях. Наверное, мне стоит приложить больше усилий. Наши наряды действительно хороши. Мне нравится выбранное фото, потому что я держу маску в руке, а не на лице, показывая макияж, который Кристина полчаса наносила мне. Она выглядит потрясающе в своём алом платье.

— Знаешь что? Я тоже выложу, — говорю я, и она ухмыляется.

— Ого, смотри-ка, ты наконец-то что-то постишь, — дразнит она.

Когда такси приезжает и везёт нас в Сестрорецк, я публикую наше фото. Кто-то сразу ставит лайк, и моё сердце бьётся быстрее при виде имени пользователя.

Илья Хижняк. Подождите... Хищник?!

— Ого...

— Что такое?

— Мой... не знаю, кто он мне. Мой почти-родственник только что лайкнул наше фото.

— Хищник?

— Ага.

— Почему это странно? Вы же скоро будете жить вместе.

— Мы не подписаны друг на друга! — говорю я, нажимая на его профиль.

Его аватарка — просто чёрный круг, в описании ничего нет. Это закрытый аккаунт.

— Тогда подпишись, — пожимает она плечами.

— Почему он не подписан на меня, но лайкает мои фото?
— спрашиваю я, и она снова пожимает плечами.

— Не знаю. Можешь спросить его, когда заедешь в дом.

Я закатываю глаза и смотрю на телефон. Осмелев от выпитого перед выходом, я нажимаю «Запросить подписку».

— Окей, я отправила запрос.

Как только я заканчиваю говорить, приходит уведомление, что он подтвердил запрос и подписался на меня в ответ. Я чувствую всплеск возбуждения и крепче сжимаю телефон.

Я думала о нём все эти годы. Дедушка упоминал его в письмах. Я читала о том, как он закончил университет и устроился в местную автомастерскую. Полагаю, у нас будет много времени, чтобы наверстать упущенное, когда мы будем жить вместе.

— Мы приехали!

Объявление Кристины заставляет меня убрать телефон в маленькую чёрную сумку через плечо. Такси останавливается, мы благодарим водителя и выходим. К дому, где празднуют день рождения Гриши, не ведёт нормальная дорога — это грунтовая тропа. Я рада, что выбрала чёрные ботильоны на каблуке, а не шпильки — они бы просто утонули в этой почве.

Энергичная музыка слышна уже снаружи. Усадьба немного обветшавшая, плющ покрывает практически каждый сантиметр темного дерева. Тем не менее, здесь много народу.

Во дворе, у самой кромки соснового бора, потрескивает небольшой костёр, сложенный из еловых веток и дров. Во-

круг него полукругом расставлены деревянные стулья — тяжёлые, тёмные от времени, с резными спинками, оставшиеся ещё с тех времён, когда усадьба принимала гостей. Чуть поодаль, у старой кирпичной стены, служившей когда-то конышней, стоят два грубо сколоченных стола, уставленных бутылками и закусками — выпивка здесь соседствует с фарфоровыми тарелками с клеймом прошлого века, и от этого контраста становится чуть смешно и тоскливо одновременно.

Кристина хватает меня за руку.

— Пошли, найдём Гошу и поздороваемся.

Она тянет меня к усадьбе. По мере приближения цветные стробоскопические огни проникают сквозь окна. Я чувствую на себе чей-то взгляд и оглядываюсь, позволяя Кристине тащить меня вперёд. По ту сторону костра я замечая кого-то, кто смотрит прямо на меня. По крайней мере, кажется, что смотрит, но я не уверена, потому что на нём маска.

Это чёрная маска с белым черепом сверху. Она закрывает верхнюю половину лица, останавливаясь чуть ниже носа, так что видны полные губы. Его тело занимает весь походный стул, на котором он сидит. Должно быть, он высокий, потому что длинные ноги вытянуты перед ним. Плечи слишком широки для стула. Руки сложены на груди. Он выглядит самоуверенным и крайне расслабленным.

Заметив мой взгляд, незнакомец приподнимает уголок губ в усмешке. Я быстро отвожу взгляд, смутившись, что меня поймали на разглядывании. Моя маска сейчас у меня в руке, я забыла о ней. Я надеваю её, чтобы стать немного анонимнее.

Кристина проводит меня через открытую входную дверь в дом. Кленовые листья устилают плиточный пол, но, похоже, никого это не волнует. Гостиная самая шумная — там кто-то установил диджейский пульт с кучей оборудования и колонок. Мы проходим мимо и углубляемся в дом. На кухне толпа, но, кажется, большинство на улице. Я понимаю почему. В доме темно, ни одного включённого света. На кухне горят только две походные лампы.

— Его здесь нет, наверное, он сзади или наверху, — говорит Кристина, когда мы не находим Гришу.

Раздвижные двери подпёрты поваленными брёвнами. Мы выходим в задний сад, и Кристина наконец-то замечает Гришу. Он на голову выше своих друзей, худой и со смешной бородкой.

Кристина обнимает его и подтягивает меня ближе.

— Это моя подруга Аня, о которой я тебе рассказывала.

Я поднимаю маску, чтобы он мог видеть моё лицо.

— Привет, Гриш.

— Какое редкое имя — Аня, — говорит он, ухмыляясь. Он быстро обнимает меня и оглядывает с ног до головы. Его

взгляд задерживается на моей груди. Я его не виню — они почти вываливаются из этого тесного боди. — Обалденный наряд.

— Спасибо. Твой тоже.

На нём винтажный костюм. Не знаю, он должен изображать аристократа или кого-то ещё.

Гриша и Кристина сразу начинают болтать о своем. Я сжимаю её руку и наклоняюсь, чтобы сказать:

— Я возьму нам выпить.

— Отличная идея.

Оставив их, я прижимаю сумку к боку и направляюсь обратно к раздвижным дверям. В задней части усадьбы музыка тише. Я захожу на кухню и оцениваю обстановку. У островка, заставленного бутылками, толпится группа парней. Мне

не очень хочется пробиваться.

Решив вернуться к переднему входу, где стояли столы, я выхожу из кухни в тёмный коридор. Свет льётся из другого коридора, и я, заинтригованная, двигаюсь к нему.

Я обнаруживаю, что есть ещё один коридор. Этот дом даже больше, чем я думала. Надо мной потолки скрипят от шагов людей наверху. Надеюсь, это место безопасно и я не провалюсь под доски.

Я прохожу до конца коридора, любопытствуя и заглядывая в комнаты с приоткрытыми дверями. Здесь много пустых заброшенных комнат. В одной из них стоит только кресло-качалка, и это, почему-то, чертовски жутко.

В конце коридора есть окно. Я подхожу к нему, следуя за лунным светом. Это так красиво...

За спиной слышатся шаги по деревянному полу, и я подпрыгиваю. Я оборачиваюсь и сглатываю при виде парня с по-

ловинкой маски черепа, которого видела снаружи. Я была права. Он очень высокий.

Мои глаза мечутся между темными дырами черепа на его маске и губами, виднеющимися под ней. Моя собственная маска болтается за спиной, веревка обвивает шею, как шнурок от капюшона. Мне не хочется надевать её обратно, потому что я хочу видеть лицо незнакомца полностью, но я всё равно не могу прочитать его выражение, когда половина лица скрыта.

— Эм, простите, — бормочу я и делаю шаг в сторону, чтобы обойти его.

Он тоже делает шаг, преграждая мне путь. Я поднимаю брови. Мне становится страшно. Незнакомец поворачивает своё тело, и я поворачиваюсь вместе с ним. Он делает шаг ко мне, и я инстинктивно отступаю назад. Моя спина упирается в стену.

Чувствуя себя странно заинтригованной и немного запуганной, я смотрю в его глаза сквозь прорези маски. Они светлые, хищные, но в тусклом свете трудно разглядеть их оттенок. Он очень высокий, широкоплечий. Густые пепельные

волосы выбиваются из-под маски.

— Я тебя здесь раньше не видел, — тихо мурлычет он.

Я слежу за его кадыком, когда он говорит. Его адамово яблоко подпрыгивает, и я странным образом заморожена этим на секунду.

— Я недавно переехала, — отвечаю я и снова поднимаю взгляд на его лицо.

Он пристально смотрит на меня. Его голова наклоняется набок, движение преувеличено белой маской.

— Ты красивая.

Неожиданный комплимент застаёт меня врасплох. Я открываю рот, чтобы поблагодарить его, но он делает ещё один шаг вперёд. Между нами всего несколько сантиметров. Я чувствую исходящее от него тепло и дрожу. Его огромное тело, на голову выше меня и вдвое шире, прижимает меня к стене. Я прижимаюсь спиной к стене как можно сильнее.

— Эм, ты слышал о личном пространстве? — прямо спрашиваю я, широко раскрыв глаза.

Хоть я и сопротивляюсь. Но он горячий. Мне не нужно, чтобы он снимал маску, чтобы это понять. Он высокий, широкий и явно накачанный, о чём говорит обтягивающая черная водолазка. Она заправлена в чёрные штаны, которые, в свою очередь, заправлены в чёрные боевые ботинки. Весь этот сексуальный образ военного плюс эта маска... и я ненавижу, что я просто тащусь от этого.

— Личное пространство?... Я не хочу никакого пространства вокруг тебя, — мурлычет он, наклоняясь ближе.

Я чувствую его тёплое дыхание на своей коже, когда он склоняет голову. Моё дыхание сбивается, когда его мягкие, упругие губы касаются пульсирующей жилки на моей шее. Я делаю судорожный вдох и вдыхаю его одеколон. Он древесно-свежий, немного сладкий и терпкий. Это вызывает головокружение, и я таю на стене. Я почти чувствую его ухмылку на своей коже.

Он раздвигает губы и дарит мне открытый поцелуй в шею. Все мои сомнения насчёт того, чтобы оттолкнуть его, исчезают. Панику снимает как рукой. Это самый сумасшедший момент в моей жизни.

Я кладу руки на его грудь. Маска, костюм, атмосфера заброшенной усадьбы, его грубые, дерзкие эмоции на этом но-

вом этапе моей жизни — всё это объединяется, чтобы сделать меня безрассудной и побаловать себя этим безбашенным ощущением. Если этот мужчина хочет взять меня прямо здесь, в одной из этих комнат, может быть даже на том скрипящем стуле, я позволю. Честно говоря, я не спала ни с кем почти год и я действительно могла бы с радостью утолить свою растущую похоть.

Его большой палец поднимается вверх, до моего подбородка, затем скользит вверх по моей шее и ниже. Холодный пластик его маски задевает край моего уха. Что-то среднее между стоном и смешком срывается с моих губ, когда он скользит языком по моей чувствительной коже чуть ниже челюсти. Мои глаза, до этого закрытые, распахиваются.

Я упираюсь ладонями в его плечи, пытаюсь оттолкнуть его. Он не двигается, он словно пиявка на моей шее. Очень сексуальная пиявка с раздражающе приятным ртом.

— Ты оставишь след! — говорю я ему и в последний раз бесполезно пытаюсь оттолкнуть его.

Незнакомец тихо посмеивается мне в шею, его дыхание щекочет моё плечо.

— В этом и смысл.

Его слова, произнесённые как тёмная угроза, не должны быть такими горячими, но они такие.

— Кто...

Я начинаю спрашивать, кто он, но он перебивает меня. Отстраняется и отходит назад, наконец-то давая мне немного пространства. Я странно ощущаю потерю его близости, когда его большое тело больше не прижимается ко мне.

— Пойдём на улицу.

Прежде чем я успеваю возразить, согласиться или что-то ещё, его огромная рука сжимает мою, и он тянет меня вниз по коридору. Без особого выбора я следую за ним. Я отвлекаюсь на то, как перекачиваются мышцы на его спине под обтягивающей кофтой с длинным рукавом, как ткань обтягивает каждый бугорок и впадину. Он просто идеально сложен. Если это мой сон с желанной фантазией... Не хочу просыпаться.

Я едва успеваю переставлять ноги за ним, прежде чем он увлекает меня за собой сквозь гостиную.

А гостиная забита под завязку. Маски, черепа, рога, блеск

стробоскопов, чужие локти и плечи, запах алкоголя, духов и разгорячённой кожи. Музыка бьёт в стены, от неё дрожит старый паркет. Незнакомец ведёт меня напролом, как хищник, который точно знает, куда движется. Люди сами расступаются — может, из-за его роста, может, из-за выражения лица, которое не видно под маской, но чувствуется спиной.

Я спотыкаюсь на повороте, и он на секунду сжимает мою руку крепче — не грубо, но так, что становится ясно: он меня не отпустит. Ни в толпе, ни вообще. Даже если упаду, будет держать.

Мы проходим мимо кухни, мимо танцующих, мимо кого-то, кто целуется у стены. Я ловлю на себе взгляды — любопытные, женские-завистливые, пьяные. А потом он толкает входную дверь, и нас наконец выносит на улицу.

Он подходит к креслу, на котором я видела его ранее. Рядом сидят ещё два парня, которых я раньше не замечала, слишком очарованная их замаскированным другом.

Мой незнакомец тяжело падает на стул, а затем дёргает меня вниз. Я теряю равновесие и падаю к нему прямо на колени, как он и планировал. Его руки обхватывают меня, и он поворачивает меня так, что я сижу боком, свесив ноги через его бедро.

— Эй! — сужаю я глаза, но он просто ухмыляется.

— Хочешь выпить? — спрашивает один из парней.

Я поворачиваюсь к нему. Он одет в белую футболку, на шее какая-то красная мишура из хлопушки. У него милое лицо, но ему явно за тридцать, хоть он и выглядит моложе.

— Эм, может быть, — неуверенно отвечаю я, оглядываясь через плечо на стол.

— Там есть пара банок пива, которые ещё не открывали. Хочешь, я принесу тебе одну? — дружелюбно предлагает он.

— Да, пожалуйста. Спасибо... прости, как тебя зовут?

Я спрашиваю какого-то парня, хотя сама даже не знаю имени мужчины, на коленях у которого я сижу.

— Никитос, — улыбается он. — А это Олег.

Он показывает большим пальцем на блондина позади себя. Тот поднимает руку в знак приветствия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.